

Невеста для нашего полковника

Самым тяжёлым делом для уезжающих в Израиль было исключение из партии. Моя мама может вам об этом рассказать. Её исключали в шесть приёмов. Но папа – папе повезло. Ему не надо было исключаться из партии, потому что его оттуда уже исключили. И дважды. И совсем не из-за Израиля – ещё даже и Израиля не было, – а за обрезание своего старшего сына. А второй раз – за анекдот о Дзержинском, которого тоже, впрочем, в анекдоте обрезали.

Сейчас можно рассказывать сколько угодно анекдотов, и никто тебя из партии не исключал, – и за пьянство не исключали, и за разврат не исключали, ни за что не исключали.

Многие не знали, что же делать, чтобы выйти из этой самой партии. Ну, хоть умирай! Но никто не хотел умирать...

Короче, с партией у папы было всё в порядке. Но перед отъездом папа должен был сняться с военного учёта. А для этого он обязан был сдать свой военный билет. Мы искали этот военный билет четыре дня всюду, мы даже отрывали паркет и отдирали обои – а вдруг там?

Но билета не было. Наконец, папа вспомнил, что он его выбросил. Во-первых, он считал, что войны не будет, во-вторых, если даже и будет, его не призовут. В 73 года воевать с китайцами тяжеловато... И, в-третьих, ему не нравилась фотокарточка на билете. Она его раздражала. Поэтому папа его и выбросил.

– Куда, – спросила мама, – ты хоть помнишь, куда?!

Папа помнил. В мусорное ведро. Смотреть было бесполезно: это произошло два года назад. Папа точно помнил – в День танкиста. Папа решил сделать себе праздник и выбросил военный билет в мусорное ведро. Это было как подарок! Тогда. А теперь?

Мы стали вспоминать, кто мог вынести тогда мусорное ведро.

– Я не могла, – сказала мама, – чтобы я вынесла ведро с военным билетом?! Да я тысячу раз проверю, прежде чем вынести.

Это была правда. Однажды мама обнаружила в ведре папины очки, а другой раз – мою зарплату. Как они туда попали, никто объяснить не мог.

Ведро с военным билетом она вынести не могла – это было ясно, как день. Папа ведра вообще не выносил, ни с билетом, ни без.

Оставался я... Билета не было, но зато мы выяснили, кто его выбросил в ведро и кто это ведро вынес. Теперь оставалось только решить, что же папе отдавать в военкомат. Был довольно красивый профсоюзный билет, симпатичное пенсионное удостоверение, абсолютно новый билет члена Красного Креста, но всё это не заменяло того единственного, потрёпанного, растерзанного военного билета.

Мы долго думали и решили просить для папы новый военный билет:

– Скажешь, что старый ты потерял, – сказала мама, – не выбросил, а потерял, ясно?

– Где я мог его потерять? – спросил папа.

– Я знаю? – ответила мама. – На войне! Шёл в атаку и потерял... А сейчас вспомнил.

Утром папа взял палочку и пошёл в военкомат. В военкомате шёл очередной призыв в армию. Не зная, к кому обратиться, папа ходил из комнаты в комнату, с этажа на этаж и, наконец, попал в помещение, где сидели люди в белых халатах и много ребят, раздетых по пояс. Папе тоже предложили раздеться по пояс. Папа никогда не спорил, разделся и встал в очередь за белобрысым веснушчатым призывником. Очередь шла быстро. Врачи, не поднимая головы, говорили: „Годен”, – и добавляли: „В пехоту, в авиацию”... Наконец, подошла очередь папы.

– Вдохните, – сказал врач, не поднимая головы.

Папа послушно вздохнул.

– Выдохните!

Папа выдохнул.

– Во флот! – сказал врач. – Следующий!

Папа обалдел.

– Секундочку, – произнёс папа, – какой ещё флот?
– Разговорчики! – отрезал врач. – Проходите!
– Я не могу пойти во флот, – сказал папа, – во-первых, я не умею плавать, а во-вторых, я уезжаю в Израиль.

После этих слов врач, наконец, поднял голову, даже как-то рванул ею и увидел папу. Папа был старше врача раза в три и раза в три худее. Да и к тому же ехал в Израиль.

– Что вы здесь делаете?! – голос врача дрожал. Видимо, он уже видел в папе моряка военно-морского флота Израиля. – Как вы сюда попали?!

Папа растерялся.

– Я выбросил военный билет, – сказал папа.

Призывная молодёжь захихикала.

– Это в каком смысле? – спросил врач.

– В смысле – в ведро, – ответил папа, – в мусорное...

Папу несло: он был взволнован, раздет, да к тому же призван во флот. „В День танкиста”, – добавил он.

Ребята вокруг загоготали. Папа явно срывал очередной призыв в армию. Белый доктор стал красным и доставил папу прямо к военному комиссару полковнику Куницыну.

– Вас-то я и искал, – обрадовался папа, – спасибо доктору, а то бы не нашёл...

Куницын был недоволен.

– Почему вы раздеты? – спросил он.

– Я призывался, – объяснил папа, – во флот.

Папа начал натягивать бельё.

Полковник сурово посмотрел на врача.

– Заработались, товарищ комиссар, – произнёс врач, – головы не поднимаем.

– Кру-у-гом! – приказал полковник Куницын. – Шагом ма-а-рш!

И несчастный эскулап, чеканя шаг, покинул кабинет.

Комиссар крякнул, поправил орденские планки на кителе и сказал: „Слушаю вас”.

– Я инвалид войны, – начал папа – был на Ленинградском фронте, в добровольческой дивизии. Мы стояли на Пулковских высотах, и у нас была одна винтовка на троих, причем все трое не умели стрелять и первое время, по ошибке, обстреливали друг друга, то есть свои же позиции.

– У нас идёт призыв, – сухо перебил комиссар, – переходите к сути дела.

– Мы заряжали миномёт не с той стороны, – продолжал папа, – и чуть не уложили политкомиссара...

– У меня очень мало времени, – оборвал полковник.

– Да, так вот, морозы стояли ужасные, и я отморозил ноги. Привезли меня в госпиталь на Фонтанку, а наркоза нет...

– Что вам надо? – спросил полковник.

– Военный билет, – охотно сказал папа.

– У вас нет билета? – ужаснулся комиссар. – А где же он?

В кабинете было тепло, папа был одет, во флот его не призывали, и поэтому он спокойно ответил:

– Потерял во время войны, когда шёл в атаку на врага, – и добавил, – в День танкиста...

– Почему вы не заявили об этом раньше? – спросил полковник.

– Так война же была, – резонно заметил папа.

– А потом?!

– Восстанавливал народное хозяйство и думал, что он лежит на своём месте, в шкафу под фуфайкой...

– Он думал, — недовольно протянул комиссар и вновь поправил орденские планки, — он думал...

И затем вдруг спросил у папы:

– А зачем вам, собственно, билет? Политика у нас мирная, войны не будет, а если империалисты развяжут, мы вас всё равно не призовём. Вы пожилой, инвалид войны... Мы вас в другое место отправим.

– И я так думал, – обрадовался папа, – поэтому и выбросил.

У папы перехватило дыхание. Мама правильно говорила, что у него длинный язык. К счастью, полковник Куницын был глуховат. Раньше он служил в артиллерии и теперь хорошо слышал только залпы орудий.

- Идите и живите спокойно, – сказал комиссар, – без билета.
- Спасибо, – поблагодарил папа, – но что же я сдавать буду?
- А не надо сдавать, – успокоил комиссар.
- Нет, надо! – настаивал папа.
- Зачем?
- Вы что, не знаете?!
- Нет, – ответил комиссар.
- Я ж в Израиль еду, – пояснил папа.

Наступила тишина. Такую тишину полковник Куницын помнил только один раз – перед Курской битвой, а папа так вообще не помнил. Первыми заговорили орудия полковника Куницына.

- Билета вы не получите, – сказал он.
- Послушайте, – начал папа, – дайте, я тут же верну!
- Ни за что!
- Прямо в кабинете.
- Никогда!!! Вы едете в Израиль и просите наш воинский билет?! Никогда!!!
- Так ведь – чтобы сдать, – старался объяснить папа.
- Мы выдаём билеты с другой целью, – полковник Куницын встал, – защита отечества – святой долг каждого советского гражданина, а вы...
- Я выполнил, – напомнил папа.
- А вы изменник и предатель! Как вы могли совершить такое?!

Речь шла об отъезде в Израиль, но папе вдруг показалось, что полковник имеет в виду военный билет.

- Случайно, – сказал папа, – думал, не пригодится. Взял и выкинул в ведро. Порвал и выбросил...

Полковник Куницын услышал, от волнения у него обострился слух.

- Что вы выбросили? – осторожно поинтересовался он.
- Папа врать не умел, даже полковникам.
- Военный билет, товарищ полковник, – отрапортовал он.
- У полковника с френча упали орденские планки.
- Куда? – спросил он.
- В мусорное ведро, товарищ полковник!

Папа чеканил каждое слово, будто он на Красной площади, а Куницын принимал парад. Полковник услышал всё, но особенно ясно – „мусорное ведро”.

- Во-он отсюда! – заорал полковник, да так громко, что папе показалось, что он вопит в микрофон. – Во-он!!!
- Простите, – извинился папа, – я думал, что...
- Таким нет пощады! – кричал полковник. — Вы выбросили воинский билет в мусорное ведро — и вы понесете заслуженное наказание! Во-о-он!!!
- Слушаюсь, товарищ полковник, – вновь отчеканил папа и, опираясь на палочку, покинул кабинет комиссара.

Когда папа вернулся, мы поняли, что произошло непоправимое.

- Что? – тихо спросила мама.
- Собирай вещи, – ответил папа.

Мама всё поняла.

- Ты сказал, что выбросил билет в ведро?

Папа кивнул головой.

- Шлемазл, – сказала мама, – за все годы ты ничему не научился. Попугай может повторить фразу, а ты нет! Почему ты не сказал, что потерял билет в атаке?!
- Потому что меня призвали во флот. Тебя бы призвали – ты бы ещё не то сказала...

Мама долго вздыхала.

- И что же будет? – спросила она.

– Будет заслуженное наказание, – скромно ответил папа.

Мы стали гадать, что бы это могло означать, и как ни старались – ничего хорошего не получалось. Если сажали незаслуженно, то что же могли дать „заслуженно“? Короче: Тель-Авив не получался, а в лучшем случае „Кресты“.

Правда, к „Крестам“ папа привык. Он уже бывал там незаслуженно, может, „заслуженно“ будет иначе? И всё-таки он бы предпочёл долину Иордана. Мама готовила сырники и поставила наше любимое сливовое варенье, но никто ничего не ел. Мы сидели на кухне, молчали и пили остывший чай.

– Лучше б уж тебя из партии исключали, – сказала мама.

И тут раздался звонок. Мы открыли. В дверях стоял полковник Куницын.

Папа начал прощаться.

– Добрый вечер, – произнёс полковник, – вы уходите?

– Так точно, товарищ полковник, – выпалил папа.

– С чего вы взяли, что я полковник? – спросил полковник Куницын. – Я майор, и потом я ненадолго...

– Мы понимаем, – сказала мама, – вы работаете быстро. В тридцать седьмом за ним пришли через неделю, в сорок восьмом – через день, а сейчас – через тридцать минут! Прогресс...

– Я прямо с работы, – извиняющимся голосом произнёс Куницын, – я могу зайти завтра.

Он направился к двери и тут произнёс фразу, от которой нас всех зашатало.

– Гут шабес! – сказал полковник Куницын. – Шабат шалом!..

Первой опомнилась мама.

– Гут шабес, товарищ полковник! – отчеканила она.

– Я майор, – поправил Куницын.

– Мне всё равно, – сказала мама, – вы не поужинаете с нами, товарищ генерал?

– С удовольствием, – сказал Куницын и достал из шинели бутылку, – я не знаю, евреи пьют водку в субботу?

Мы дружно закивали, и полковник разлил.

– Лехаим! – гаркнул полковник и опрокинул рюмку. Мы, как по команде, последовали его примеру. Куницын взял мамин сырник, намазал его вареньем и мечтательно произнёс:

– Красивая страна Израиль, красивая, но маленькая, с Новгородскую область. А Иордан – с Фонтанку... Но красивее. Я в Иордане плавал. И в Мёртвом море плавал. Соли там – больше, чем в Балхаше! Лежишь на спине и не тонешь, и в небо смотришь. А небо в Израиле высокое, как летом на Украине...

Мы молчали, как фаршированная рыба.

– Я не стукач, – вдруг начал полковник, – если вы хотите, мы можем сменить тему и поговорить о чём-нибудь другом, скажем, о новом пятилетнем плане...

– Что вы, – сказала мама, – мы просто поражены, что вы были в Израиле.

– С пушками, – объяснил полковник, – у меня даже орден израильский есть, вернее, был. Я его в Фонтанку выбросил. Так было спокойнее...

Мамины сырники пользовались большим успехом у Куницына, и к концу его рассказов о Монголии, Китае, Испании и Израиле, где он бывал со своей артиллерией, оставался всего один, и мама принялась за штрудель.

– Всем нужны были пушки, – резюмировал полковник, – а в результате я плохо слышу...

Извинившись, он съел последний сырник и попросил у папы продемонстрировать, как он выкинул свой билет. Папа почему-то просиял и стал охотно показывать, как он брал билет, как рвал, как нёс к ведру и как туда кидал. Полковник внимательно изучал все детали, особенно траекторию падения билета в ведро. Он даже дважды заглядывал туда и, когда вынырнул второй раз, в упор спросил:

– Простите, у вас случайно не найдется жены?

– Как же, – удивился папа, – на кухне.

И указал на маму, готовящую штрудель.

– Для меня, – уточнил полковник.

Папа понял, что ныряние в мусорное ведро странным образом повлияло на полковника. Папа до этого никому и никогда жён не искал, даже себе: он встретил и полюбил маму без всяких поисков. Поэтому он растерялся.

– У тебя случайно нет жены? – спросил он маму.

Мама как-то странно посмотрела на папу.

– Какой жены? – мягко спросила она.

– Еврейской, – неожиданно уточнил Куницын, – найдите мне еврейскую жену. Я одинок, ем что попало, не с кем слова сказать. А где я могу познакомиться с еврейской женщиной? Где? В армии их нет, в военкомат их брать не разрешают, а на улице я не могу. Не умею! Майор Петров умел – сейчас живет в Тель-Авиве...

Куницын осёкся, и мы всё поняли, для чего полковнику жена... У мамы даже пригорел штрудель.

– Извините, – сказал полковник, – у меня другого средства нет. Не всем повезло родиться евреями.

Это могло прозвучать как издёвка, но сейчас в устах полковника это была сама истина... Было видно, как ему хотелось быть рожденным пусть в бедной, но еврейской семье. Ни возраст, ни красота, ни рост полковника не волновали. Кроме национальности были поставлены два условия: не косая – у полковника была аллергия на косых – и не глухая. Он сам был глухой и справедливо считал, что хоть кто-то в семье должен слышать. Иначе можно было чего-то не понять и поехать в другую сторону.

Других условий не было, и вся наша семья начала поиски жены для полковника Куницына. Кандидатур было много, но полковник был человек хороший, и кого угодно просто не хотелось. И делали мы это не ради билета, поскольку Куницын уже выдал папе билет, он выдал папе даже два билета, на случай, если папе вдруг опять захочется выбросить один в ведро. И мы имели возможность уехать. Но не могли же мы уехать, бросив на произвол судьбы нашего полковника.

Поиски шли во всех направлениях, с вовлечением отъезжающих евреев и некоторой части остального населения.

Задача была непростая. Некоторые невесты боялись полковника: такая птица могла задержать выезд или вообще сорвать его. Протащить через таможенника комиссара не легче, чем бриллиант, а все невесты предпочитали бриллиант.

Другие нагло требовали денег, а у полковника их не было. У него были ордена, но орденов они почему-то не хотели...

Куницын стал часто бывать у нас, ел еврейские кушанья и даже зажёг как-то ханукальную свечу. Мы знали всю его жизнь вдоль и поперёк, и можно сказать, что он стал членом нашей семьи.

Пока шли поиски, он принялся за иврит. У него были явные способности, и через некоторое время он уже мог читать и довольно сносно произносил „Шмона эсрэ” (*молитва – ред.*)...

Он так увлёкся языком, что иногда в военкомате отдавал приказания на иврите, чем ставил под угрозу себя и общее дело... Однажды он примерил талес, и мы все нашли, что он ему идёт гораздо лучше, чем форма... Первую невесту нашли примерно через месяц. Ей было 80 лет, и жила она в Самарканде. Полковника смутил возраст:

– Мне-то что, – говорил он, – не поймут!..

Мы его долго уговаривали, уламывали, и он, наконец, согласился. Невесту доставили самолётом. Жених в гражданском костюме встречал в аэропорту. С цветами. Когда невеста появилась, он вдруг сбежал, бросив букет. Как оказалось, невесте было 80 по паспорту, а на самом деле 94...

Полковнику пришлось оплатить обратный билет до Самарканда, и он попросил нас больше по паспорту не искать. И мы принялись искать „не по паспорту”.

Полковник очень переживал, что задерживает наш отъезд, просил прекратить поиски и уехать, но об этом не могло быть и речи.

Вторая невеста была значительно моложе, всего 68 лет, высокая, блондинка, с голубыми глазами и белой кожей. Она сильно окала. Полковник опять стоял с цветами. Само-

лёт был из Горького. Невеста вышла из лайнера и сразу понравилась полковнику. Он подарил ей букет и пригласил в ресторан.

Они обедали в „Европейском”, ели судака „Орли”, котлеты по-киевски и пили холодное „Цинандали”. И всё было бы хорошо, если бы вдруг горьковская невеста, видимо, опьянев, не сказала нашему полковнику.

– А вы совсем не похожи на еврея, ну совсем...

– А я и не еврей, – ответил Куницын.

Судак „Орли” застрял в горле невесты.

– А кто же?! – в ужасе спросила она. – Неужели русский?!

– Русский, – ответил полковник, – а в чём дело?!

Невеста протрезвела.

– Зачем же кашу заваривали? – сказала она. – Мне еврей нужен!.. Мне ехать надо, вы понимаете?...

Полковник опять оплачивал обратный билет, на этот раз, правда, значительно дешевле...

Время шло, мы не ехали, невест не было. Невесты стали дефицитом. Говорили, что латыши платят 40 тысяч за невесту, а один грузин так отдал „Волгу” и дом с баранами. А у нашего полковника, кроме орденов, ничего не было. На что мы могли рассчитывать? К тому же, пока шли поиски, нашего полковника вдруг выпроводили на пенсию. То ли кто-то видел его вместо формы в талесе, а, может быть, кто-то догадался, что он иногда командует по-древнееврейски, но однажды его вызвали и предложили пойти на заслуженный отдых. И он согласился.

Ему преподнесли подарок – фотоаппарат „Зенит-Е”.

– Будто знают, что вы собираетесь, – сказала мама.

Все евреи везли тогда с собой этот дефицитный аппарат. Он отдал его нам, мы никак не могли его достать.

Мама сопротивлялась, но полковник сказал, что если мама не возьмет, ноги его больше в нашем доме не будет, а мы уже не представляли жизни без нашего полковника.

Дни шли, невест не было. Мы начали понемногу паковаться, и полковник нам помогал. Он так умело всё укладывал и раскладывал, что многие евреи стали просить помочь им, естественно, за деньги. Но мы отвергли все предложения и никому не отдали нашего полковника. Сами пакуйтесь!

Приближалось время отъезда. Никто не знал, что делать.

И вдруг мы нашли невесту! Рядом! На улице Рубинштейна! Наверное, нам помог Б-г! Красавица, чернобровая, с лучистым взглядом и с тонкими чертами...

– Нераспустившийся цветок, – говорила мама.

Цветку, правда, было 64, и никто не мог понять, почему он так недолго не распускался.

– Почва плохая, – утверждала мама, – почва, на израильской она расцветёт...

Звали невесту Хая-Рэйзел, но фамилия!!! Говорят, что из-за своей фамилии она и не вышла замуж. А менять её она не хотела. Она была гордая, наша невеста...

Мы срочно вызвали полковника по телефону. Была суббота. Едва полковник съел запеканку с яйцами, как мы решили ему всё выложить.

– Нашли, – радостно сказали мы, – слава Б-гу! Хая-Рэйзел!

Полковник несколько растерялся.

– Я просил одну, – скромно сказал он.

– Это одна, – уточнила мама, – у неё только имя двойное. Так сказать, еврейка в квадрате. Умница, красавица, нераспустившийся цветок, но...

– Что „но”? – спросил полковник. – Русская?!

– Вы с ума сошли – Хая-Рэйзел! – сказала мама.

– Так что – сто четыре года?..

– Смеётесь, – сказала мама, – всего семь лет на пенсии.

– Так в чём же дело? – недоумевал полковник.

– Фамилия! – сказала мама.

– Какая фамилия? – спросил полковник.

– Я не могу, – отрезала мама, – пусть они говорят.

Она кивнула в нашу сторону. Папа попереминался с ноги на ногу, почесал щеку, наконец, набрал воздуха и сказал:

- Шмок! Шмок у неё фамилия... Вас не смущает?
- Ничуть, – сказал полковник, – Шмок так Шмок! А в чём дело?

К счастью, полковник ещё плохо знал еврейский язык, а переводить фамилию на русский мы на всякий случай не стали... Мало ли...

Встреча была назначена в Летнем саду, у пруда. Мы сидели под дубом на скамейке и наблюдали. Молодожёны гуляли. Сначала вокруг пруда, потом по центральным аллеям, затем свернули в боковую и скрылись. Мы ждали полковника, как и договорились, под дубом через час, по он не появился и через два и вообще не появился – молодожены исчезли из парка в неизвестном направлении...

Мы очень волновались, несколько дней полковник у нас не появлялся. Мы не знали, что и подумать. Наконец он пришёл. Лицо его горело. Это был молодой лейтенант.

- Я женюсь, – радостно сказал он.
- Мы знаем, – ответили мы.
- Да нет, – сказал полковник, – я женюсь по-настоящему. Это чудо, наша Хая-Рэйзел.
- Что я вам говорила, – сказала мама, – это нераспустившийся цветок.
- А мехае, – пропел полковник.

Расписывались они в районном загсе. Папа с мамой были свидетелями. Секретарь сначала поставила Мендельсона, а потом поздравила их от имени РСФСР и себя лично. После этого наш полковник заявил, что хочет перейти на фамилию жены.

Секретарша онемела. Она отказывалась верить, что майор артиллерии, Бог войны — станет Шмоком. Тем не менее, в окружении нашей семьи из загса вышли Шмок Хая-Рэйзел Рувимовна и Шмок Иван Христофорович.

Свадьба была малочисленной, но весёлой. Обнявшись за плечи, мы танцевали „Хава Нагилу”, и фуражка нашего полковника взлетала высоко вверх...

Утром папа пошёл в ОВИР, отнести военный билет.

- Ну, нашли? – спросил референт.
- Нашёл, — сказал папа и протянул референту два билета.

Тут бы и кончился навсегда наш отъезд, но, слава Б-гу, референт накануне выпил. Он всегда выпивал накануне и привык, что у него двоится. Поэтому он принял оба билета за один и спрятал их в стол...

Мама была готова убить папу, но надо было ехать...

До самого отъезда мы дрожали при одной мысли, что референт вдруг протрезвеет и всё обнаружит... Но он, видимо, так и не протрезвел. В аэропорту среди близких был наш полковник с молодой женой. Они плакали, будто на старинной еврейской свадьбе. Почему говорят, что военные не плачут?..

...Вот уже год мы живём в Нью-Йорке, в Форест-Хиллсе, может быть, референт уже протрезвел и обнаружил два билета, но нам сейчас как-то всё равно.

Иван Христофорович Шмок с супругой живут в Холоне, под Тель-Авивом. Он занимается гражданской обороной. Все зовут его „полковник”. Он часто переписывается с папой на иврите.

Александр и Лев ШАРГОРОДСКИЕ.